

**РЕЦЕНЗИИ.
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**

А. Е. Петров

«...ПОХВАЛА ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ДМИТРИЮ ИВАНОВИЧЮ
И БРАТУ ЕГО КНЯЗЮ ВЛАДИМЕРУ ОНДРЕЕВИЧЮ.»

(Памятники Куликовского цикла / Гл. ред. Б. А. Рыбаков; ред. В. А. Кучкин.
СПб.: Русско-балтийский информационный центр БЛИЦ, 1998. — 412 стр.*)

«Повесть полезная, от древнего писания сложена...» — так нередко древнерусские книжники начинали свои повествования. Эти слова в полной мере следует отнести и к изданному на исходе 1998 года сборнику источников «Памятники Куликовского цикла». Несомненно, что любое качественное издание исторических источников — «полезно». Но и вторая часть этого посыла (о древности) совершенно четко соотносится с историей создания книги.

Замысел издания основных текстов, повествующих о Куликовской битве 1380 года, возник в Институте истории СССР РАН еще накануне 600-летнего юбилея сражения. Эта публикация должна была появиться наряду со сборником статей «Куликовская битва», задачей которого, в свою очередь, стало освещение политического и культурного значения Куликовской битвы, а также анализ далеких событий с точки зрения разных политических центров — Литвы, Москвы, Орды. Сборник вышел в свет в 1980 году и сразу занял важное место в историографии Куликовской битвы¹. Однако научный эффект мог быть гораздо сильнее, если бы том научных исследований сопровождался бы изданием основных источников о событии. Этого не произошло. Причины тому разные и, наверное, объективные: недостаток времени перед юбилеем, нехватка средств и технических возможностей, длительность подготовки, напрямую связанная с ответственностью и качеством академических изданий источников.

Когда отзвучали юбилейные торжества, пропала сиюминутная актуальность, ушло «юбилейное финансирование» наконец в Ленинграде в серии «Литературные памятники» вышла другая не менее фундаментальная публикация сказаний и повестей о Куликовской битве². В результате рукопись надолго «отложили». Шло время, уходили из жизни ответственные редакторы и авторы — публика-

* Проект № 96-01-16094, руководитель В. А. Кучкин.

¹ Куликовская битва. М., 1980.

² Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982.

торы сборника (имеются в виду блестящие ученые Л. Г. Бескровный, В. И. Буганов, А. А. Зимин). Уже в самые последние годы составителем сборника стал В. А. Кучкин. Именно под его руководством и была завершена работа по подготовке публикации, включившая в себя унификацию норм издания текстов, написание реального исторического и текстологического комментария. Лишь через 15 лет после появления замысла книги она была представлена на конкурс РГНФ, получила поддержку экспертов и в конце 1998 года вышла в свет. Так закончилась одна часть истории книги — история публикации. Теперь начинается другая — активная жизнь в науке.

Можно подумать, что издание опоздало. Выйди оно на 18 лет раньше, был бы иной общественный резонанс. Возможно, что и так. Скорее всего, и тираж у этой книги тогда был бы неизмеримо больше. Но почти двадцатилетие, отделившее нас от 600-летнего юбилея Куликовской битвы, породило новые проблемы и новые споры. Сегодня, когда лженаучные теории русской, да и мировой истории поставлены на широкие коммерческие рельсы и стали своего рода ответвлением шоу-бизнеса, как никогда актуальным стало издание подлинных источников средневековой истории. Выворачивание наизнанку российской истории авторами таких концепций происходит путем оболгания узловых (а потому и спорных) моментов исторического процесса. Среди таких узловых моментов история Ордынского ига на Руси и Куликовской битвы как ключевого события, ознаменовавшего перелом политических отношений русских земель и Орды.

Выход книги «Памятники Куликовского цикла» в современных условиях становится серьезным и ценным противовесом потокам «хронологических сдвигов», «половецко-москальских» и «казацких» теорий в оценке русско-ордынских отношений. Тем более важно, что в книге нет прямой критики на шумевших концепций. Свод средневековых русских источников опровергает их уже самим своим существованием.

Сборник текстов о Мамаевом побоище, как и подобает академическому изданию источников, подготовлен на самом высоком научном уровне. Невзирая на то, что Памятники Куликовского цикла уже давно и хорошо известны ученым, издание не стало слепым повтором предыдущих публикаций повестей и сказаний, хотя, конечно, неизбежные переключки имеют место. По качеству подготовки текстов «Памятники Куликовского цикла» заметно превосходят все предшествующие сводные издания повестей о Мамаевом побоище, включая последнее — 1982 года³. Это видно уже по основным принципам издания и подбору публикуемых текстов. Название книги — «Памятники Куликовского цикла» — сразу же отсылает читателя к строго научному рассмотрению события. Само это определение — условное, сугубо научное и принятое для удобства классификации источников. Данное объединение летописных и литературных повестей, несмотря на весомую долю искусственности такого единства, имеет четко очерченные границы — в состав «Памятников» Куликовского цикла входят следующие тексты: относительно ранние краткие летописные рассказы о 1380 годе, пространная Летописная повесть, «Задонщина» и «Сказание о Мамаевом побоище».

Важно, что уже само название книги удачно отличает ее от всех предшествующих публикаций повестей о Куликовской битве. Тринадцать текстов, вошедших в сборник (так составители именуют плод своего труда, хотя, на мой взгляд, издание вполне могло бы называться сводом), полностью соответствуют заявленному названию книги. Внутри сборника повести расположены по хронологическому принципу: древнейшие тексты помещены первыми, причем если публикуется сразу несколько редакций одной повести, то сначала следуют более древние редакции. Каждый текст предвещает археографическое введение с подробнейшим описанием списков и обоснованием (что встречается далеко не всегда) причин выбора того или иного текста для основной публикации, а также харак-

³ Помимо указанного выше издания здесь имеются в виду следующие публикации: Шамбинаго С. К. Повести о Мамаевом побоище. Приложение. Тексты. СПб., 1906; Повести о Куликовской битве. М., 1959.

теристика рукописей, по которым приведены разночтения. Следом за текстами памятников помещены текстологические комментарии, в которых обоснована датировка, текстологические особенности публикуемых списков, их взаимоотношения между собой и другими редакциями памятников. Завершают научные публикации примечания, дающие подробнейшее историческое истолкование сведениям средневековых русских памятников. Аналогов столь масштабной научной публикации текстов о Куликовской битве не имеется.

Списки большинства текстов, включенных в издание, относятся к XVII веку и публикуются по соответствующим правилам. Единые нормы публикации исторических источников соблюдены во всей книге, даже когда речь идет о воспроизведении текстов по спискам XV столетия. В данном случае это оправдано, хотя и может вызвать глухую критику вездливых археографов.

Эту довольно безбидную вольность с лихвой перекрывают качественные археографические изыскания, предваряющие публикацию текстов. Введения к каждому издаваемому источнику содержат в себе ценные палеографические наблюдения и уточнения датировок едва ли не всех основных списков повестей. Уточнение датировок списков памятников является лишь одним из результатов скрупулезной работы с рукописями. В ряде случаев, авторам удалось в результате археографических изысканий получить очень существенные выводы. Это прежде всего сделанные В. А. Кучкиным точные наблюдения над источниками «Сказания о Мамаевом побоище» в редакции «Синописа» и атрибуция редакции «Сказания» 1681 г. Пантелеймону Кохановскому. Исследователь весьма убедительно доказал факт принадлежности западнорусской «Книги о побоище Мамае» П. Кохановскому, опровергнув аргументы Л. А. Дмитриева и других исследователей, считавших автором данной редакции Феодосия Сафоновича.

Столь добротные археографические и палеографические изыскания не только снимают по существу все вопросы относительно принципов отбора основных и вспомогательных списков публикации, но и позволяют решать некоторые вопросы литературной истории текстов.

Очень высоко оценивая качество археографических исследований в издании, позволю себе обратить внимание авторов на один важный момент, который ускользнул из их поля зрения. Во введении к публикации варианта Ундольского «Сказания о Мамаевом побоище» при описании Лондонского лицевого списка «Сказания» (British Library. Y. T. 51) отмечено, что данный список является частью какого-то сборника большого объема, т. к. «Сказанию» предшествовал текст на 155 листах⁴. Л. А. Дмитриев, изучая данный список по микрофильму, хранящемуся в БАН, предположил, что первой частью сборника является «Александрия»⁵. Это оставалось гипотезой до завершения Ральфом Клеминсоном подготовки Сводного Каталога кириллических рукописей в британских и ирландских собраниях. Британский археограф обнаружил вторую часть сборника, содержащую, как и предполагалось, «Александрию», в Дублинской библиотеке сэра Честера Бетти (Chester Beatty Library. W. 151)⁶. Эта находка позволяет сделать некоторые уточнения к истории варианта Ундольского. Все списки этого варианта, за исключением древнейшего (РГБ. Унд. 578. XVI в.), имеют две общие чер-

⁴ См.: Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 136 (Далее ссылки на сборник даются в тексте с указанием страниц).

⁵ Дмитриев Л. А. Лондонский лицевой список «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. Т. 28. Л., 1974. С. 155—179.

⁶ A Union Catalogue of Cyrillic manuscripts in British and Irish Collections. Compiled by *Ralph Cleminsons*. London, 1988. № 26. P. 36—37. Приведем здесь краткое описание первой части сборника по указанному каталогу: «Александрия». XVII в. (в. з. — голова шута с литерами **ВГ**), рукопись на 133 листах (6 листов — чистые) 290 мм / 180 мм; последний 127-й лист с текстом соответствует 155 листу кириллической пагинации; содержит 73 цветные миниатюры; переплет поздний, картонный, состояние рукописи плохое, листы перепутаны, часть листов утрачена, особенно в начале и в конце рукописи. См. также: № 118.

ты: во-первых, они лицевые, а, во-вторых, три из этих лицевых списков, принадлежащих по типу своих миниатюр к так называемому Архаическому виду (классификация Л. А. Дмитриева), являются собой сборники, в состав которых входят Сербская «Александрия» Русской редакции и «Сказание о Мамаевом побоище». В XIX веке был известен еще один подобный сборник в библиотеке Архангельской семинарии. Он был описан А. Е. Викторовым, но на исходе XIX столетия бесследно исчез, наряду с несколькими ценными рукописями XV—XVII веков⁷.

Принимая во внимание эти обстоятельства, вероятно, имеет смысл говорить об особом виде лицевого рукописного сборника, включающего в себя Сербскую «Александрию» и «Сказание» варианта Ундольского Основной редакции. К интересным результатам приводит и анализ параллелей между текстами «Александрии» и «Сказания». Выясняется, что влияние Сербской Александрии на «Сказание» обнаруживается уже в текстах, наиболее близких к первоначальному (варианты О, Ундольского, Печатный)⁸.

Это, пожалуй, единственное уточнение, которое могло бы войти в археографические изыскания составителей книги. Считаю очень важным принципом, который строго соблюден авторами при подготовке всех текстов, глубокий анализ развития и уточнения научных оценок, накопленных за последние 30 лет в источниковедении Памятников Куликовского цикла и использование накопленных наукой результатов. Показательный пример — публикация Повести о Куликовской битве в Новгородской I летописи (текст № II). Ранее за основу всех публикаций Новгородской I летописи младшего извода брался Комиссионный список. Однако уже в конце 50-х годов нашего века (после академического издания летописи⁹) было установлено, что Академический список этой летописи почти на десятилетие древнее. Это учтено в рецензируемом издании, и впервые в качестве основного публикуется текст о Куликовской битве Академического списка (БАН. 17. 8. 36).

Отмеченный пример — далеко не единственный образец первой публикации той или иной редакции памятника Куликовского цикла. При публикации Летописной повести Новгородской IV летописи за основу взят Карамзинский список летописи (РНБ. F. IV. 603), наилучшим образом отражающий первоначальный вид Новгородской IV летописи. Ранее повесть о Куликовской битве публиковалась по Строевскому списку иной — младшей редакции этого свода. Кроме того, в книге впервые опубликованы тексты «Сказания о Мамаевом побоище» по Ермолаевскому списку и списку И. Ф. Хворостинина, представляющего собой особую позднюю редакцию произведения. Впервые столь качественно с разночтениями по разным спискам, без пропусков и искажений, присущих предыдущей публикации,¹⁰ приведено «Сказание» варианта Ундольского Основной редакции. То же можно сказать и о публикациях «Сказания» в редакции «Синописа» и Пантелеймона Кохановского.

Научное качество публикации повестей о Мамаевом побоище обусловлено не только уникальностью издаваемых текстов, но и высоким уровнем всех сопроводительных материалов — текстологических комментариев и примечаний. Приятно, что во всех комментариях и примечаниях авторами выдержан еще один общий принцип, основанный на строгом источниковедческом подходе. Составители постарались избежать включения в комментирующие источник научные тексты спорных или же недостаточно доработанных исторических реконструкций, связанных с историей Куликовской битвы. Эта строгость тем более ценна, если учесть, что авторы текстологических комментариев и примечаний к текстам В. А. Кучкин, Б. М. Клосс и А. А. Зимин высказывали в научной периодике ряд гипотез, вызвавших неоднозначный, а порою и резко отрицательный отклик ученых.

⁷ Викторов А. Е. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890. С. 1—2.

⁸ Петров А. Е. «Сказание о Мамаевом побоище» как исторический источник. АҚД. М., 1988. С. 15; 18.

⁹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

¹⁰ Шамбинаго С. К. Сказание о Мамаевом побоище. ОЛДП. Вып. 125. СПб., 1907.

В данной книге спорные гипотезы и острая полемика остались за ее пределами. В научных текстах сборника «Памятники Куликовского цикла» очень сдержанно и сухо комментируются такие непростые вопросы, как местонахождение Куликова поля и историчность благословения Сергием Радонежским князя Дмитрия Ивановича перед Куликовской битвой. Присутствие в авторском коллективе имени А. А. Зимина никак не способствовало попаданию в научные примечания положений его экстравагантной концепции взаимоотношений памятников Куликовского цикла и «Слова о полку Игореве». Не найдем мы в исследованиях авторов примечаний и следов совсем недавней и очень спорной гипотезы Б. М. Клосса о Митрофане Коломенском как авторе «Сказания о Мамаевом побоище».

Ознакомление со всем объемом текстологического и реального исторического комментария убеждает в торжестве единого для всей книги замысла — наиболее полного издания текстов с обилием сопроводительных материалов и минимумом исторических реконструкций. Такие реконструкции допустимо делать за пределами данной фундаментальной публикации и, очевидно, уже с неизбежным использованием этого издания.

Очень важно, что столь сложные взаимоотношения памятников, редакций и вариантов, как-вые имеют место в литературной истории памятников Куликовского цикла, представлены авторами текстологических наблюдений очень четко и точно. Все памятники и их редакции аргументированно датированы. Порой датировки сделаны очень осторожно, так сказать, с запасом. В качестве примера можно привести датировку Б. М. Клоссом варианта Ундольского «Сказания о Мамаевом побоище». Он заключает, что «вариант Ундольского был создан между 1485 и 1530 гг.» (Памятники. С. 198.). Исследователь осторожно предлагает в качестве датировки варианта хронологический отрезок в 45 лет, исходя из датирующих признаков, содержащихся в самом тексте списка У (подчинение Твери Москве в 1485 г. и использование варианта У «Сказания» в составлении Никоновской летописи — с 20-х годов XVI в. — по 1530 год). Если же производить датировку данного варианта не только «из него самого», а принять во внимание общую датировку гипотетического (и восстанавливаемого из различных списков Основной и Летописной редакции) первоначального «Сказания», то верхнюю дату нужно несколько сдвинуть, по крайней мере, к самому концу 90-х годов XV века.

Однако осторожность в датировках — это хороший тон для издания источников, рассчитанного на многие годы активного использования. Наука не стоит на месте, и многое будет уточнено историковедцами следующих поколений.

Отдельно следует остановиться на публикации Ермолаевского списка «Сказания» (текст № X). Этот текст стоит особняком и несколько выпадает из общей стройной системы сборника. В данном разделе отсутствуют подробные археографические, текстологические и исторические материалы, являющиеся несомненным достоинством всех остальных разделов книги, а имеет место лишь самое общее источниковедческое введение, написанное А. А. Зиминим (С. 223—224). Это само по себе вызывает чувство сожаления, т. к. Ермолаевский список действительно очень важен для изучения истории первоначального текста «Сказания», как это справедливо отмечено в предисловии А. А. Зимина к данной публикации. Более того, текстологические особенности этого варианта «Сказания» обнаруживают его существенную близость к западнорусским переработкам произведения.

Нужно признать, что в силу слишком длительной подготовки книги, о чем вовсе не случайно шла речь выше, составители попали в непростую ситуацию. Публикация Ермолаевского варианта «Сказания» была подготовлена А. А. Зиминим еще при жизни в 1980 году. После смерти ученого эта часть сборника уже не подвергалась доработкам и переработкам подобно всем остальным разделам. Однако авторский коллектив совершенно справедливо не стал отказываться от публикации не вполне вписывающегося в структуру издания предисловия А. А. Зимина, несомненно, уже ставшего своего рода историографическим памятником. При этом наблюдения А. А. Зимина, высказанные в

более общей форме, нежели той, что присуща остальным введениям к текстам, несут в себе целый ряд ценных моментов. Среди прочих отмечу четкую постановку исследователем проблемы взаимоотношений редакций и видов «Сказания» и указание (правда, подробно не раскрытое) на важность Ермолаевского варианта в исследовании истории «Сказания о Мамаевом побоище». Помимо всех прочих обстоятельств совершенно очевидную пользу принесет сама публикация текста Ермолаевского списка (РНБ. Ф. IV. № 231) с разночтениями по списку Яроцкого (БАН. 21. 3 14) и с использованием Уваровского списка (ГИМ. Уварова № 802), приведенная стараниями авторов и издателей настоящей книги к принятым в данном издании правилам, удовлетворяющим самым высоким требованиям современной археографии.

Завершается книга тремя блестящими и в полном смысле долгожданнами для специалистов публикациями «Сказания» Хворостининской редакции, редакции «Синописа» и редакции Пантелеймона Кохановского. Эти поздние редакции не только дают информацию о литературной истории «Сказания» в XVII столетии, но и свидетельствуют об особенностях восприятия книжниками и читателями той эпохи великого исторического события уже далекого для них прошлого.

Одной из важнейших составляющих качественной научной публикации исторических источников является комментарий сведений, содержащихся в тексте памятников. Именно добротное истолкование данных средневековых текстов позволяет нагляднее всего увидеть подлинную историческую значимость документов эпохи практически любому читателю книги. Поэтому подготовка исторических комментариев — это совершенно особая, очень трудоемкая и ответственная исследовательская работа. Авторы комментариев к памятникам Куликовского цикла вполне справились с задачей. Все примечания к текстам представляют собой мини-исследования, весьма аргументированные и фундаментальные. Отмечу, что подавляющая часть примечаний к текстам памятников написана В. А. Кучкиным. В предисловии отмечено, что к четырем остальным текстам примечания написаны Б. М. Клоссом, но, похоже, это не вполне верно. Судя по едва заметным расхождениям в подходе к датировке и оценке текста, примечания к тексту IX — «Сказание о Мамаевом побоище» варианта Ундольского также написаны В. А. Кучкиным. Как уже отмечено в текстологическом комментарии к этому тексту, Б. М. Клосс представил недостаточно конкретную датировку «Сказания», наблюдения же, высказанные в комментариях, свидетельствуют о появлении памятника на рубеже XV—XVI веков и полностью совпадают с уже обнародованными аргументами В. А. Кучкина¹¹.

Среди всего комплекса примечаний выделяются исследования, посвященные именослову памятников Куликовского цикла. Авторы досконально проверили историчность всех упомянутых в текстах имен, в тех случаях, когда это возможно, сопоставили имена с известиями других источников, сделали попытку объяснения причин попадания в тексты рассказов о событиях 1380 года, упоминаний о персонажах более позднего времени. Но даже на общем высоком фоне исследований, посвященных именам в текстах о Куликовской битве, выделяются примечания, посвященные детям Дмитрия Донского (и особо — мини-очерк о княжиче Иване Дмитриевиче, являющийся первой научной реконструкцией биографии сына Дмитрия Донского) (С. 84—86), именам купцов-сурожан (С. 209—210), а также именам павших в битве верховских князей и Пересвета как брянского боярина в Софийской I летописи (С. 59—60).

Порою приведенные в примечаниях сведения выступают своего рода дополнением к текстологическому комментарию, уточняя датировки или проясняя историю текста. Очень аргументированна и убедительна интерпретация записи о Литве в рассказе Новгородской IV летописи: «... а не яко при нынешних временах, литва над нами издеваются и поругаются. Но мы сию б(ес) ду ос-

¹¹ См. например: Кучкин В. А. Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990.

тавьше и на предлежащее възвратимся». Анализ этой интерполяции позволил четко привязать датировку данной редакции Летописной повести к времени создания Новгородской IV летописи в 30-е годы XV в. (С. 86—87).

Высокий исследовательский уровень, отразившийся в примечаниях к текстам источников, в данной книге не только позволяет авторам решать некоторые исторические и источниковедческие проблемы, но и призывает специалистов к заинтересованному обсуждению тех или иных трактовок и решений. В двух примечаниях к «Сказанию о Мамаевом побоище» упоминается о знакомстве автора повести с текстом романа об Александре Македонском — «Александрией» (С. 216, 220). Отмечу, что сюжетных, типологических и текстуальных параллелей «Сказания» с русской редакцией Сербской «Александрии» значительно больше.

Отрадно видеть в соответствующем примечании к «Сказанию о Мамаевом побоище» очень трезвую и взвешенную оценку историчности уряжения полков под Коломною (С. 210—211). Анахроничность этого эпизода времени Куликовской битвы несомненна и состоит отнюдь не только в ошибочном названии передового — сторожевого полка. Тут виден хороший пример модернизированного сознания автора-книжника, не представляющего себе военных действий без разрядных и местнических норм, выразившихся в тексте «Сказания» в характерные клише приказного времени¹².

Авторы заявляют свою четкую позицию и по тем спорным вопросам, которые в настоящее время имеющимися в распоряжении ученых данными однозначно разрешены быть не могут. Это проявилось, например, в вопросе о «черном знамени» русского войска. Авторы склонны признать достоверность источников (С. 216). Тем не менее существует версия о красном («черном») стяге. Свое косвенное подтверждение она находит в описании Казанского знамени Ивана IV, которое уподобляется стягу Дмитрия Донского.

Весьма интересны приводимые в соответствующем примечании сведения по поводу местонахождения Березуя, упомянутого в тексте «Сказания» (С. 214). Однако помимо поисков конкретного места с названием «Березой», «Березово», «Березовка», имеет право на существование и объяснение березуя как берега реки (причем существовало значение березуй в качестве высокого берега, отличающегося от противоположного низкого. Очень близкое к такому значению чтение видим в тексте Печатного варианта «Сказания»: «на месте реченном Березе»¹³. Вероятно, тут могло иметь место ошибочное прочтение фразы, изначально имевшей такой смысл, что братья Ольгердовичи встретили Дмитрия Ивановича стоящего «на месте» (стане), расположенном у «речного берега».

Порою, правда, категоричное заявление позиции авторами примечаний вызывает некоторые сомнения. В тексте, поясняющем фразу о проводках Андрея и Дмитрия Ольгердовичей в Литву через Можайск (С. 222), видим четкую позицию, состоящую в том, что автор «Сказания» «отправил» союзников московского князя в Литву через тот пункт, который находился ближе к ее границам. Поскольку в XIV веке граница Литвы подходила ближе всего к Москве со стороны верхнеокских княжеств, а с XV века со стороны Смоленска и Можайска, то сам факт выбора в качестве наиболее близкого к границе пункта Можайска выдает в авторе человека XV столетия.

Совершенно разделяя точку зрения о том, что автор «Сказания» — книжник рубежа XV—XVI веков, уверен, что толкование конкретного эпизода не может быть столь однозначным. Думаю, что при описании проводков из одной точки в другую на первый план, очевидно, выступает направление, по которому собираются двигаться участники движения, а не расстояние до границы сопредель-

¹² Подробнее см.: Петров А. Е. Анахронизмы «Сказания о Мамаевом побоище» // Письменная культура: источниковедческие аспекты истории книги. М., 1998. С. 110—130.

¹³ Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 115.

ного государства. Очевидно, целью их путешествия была какая-то точка внутри Литовского княжества, до которой ближе ехать через Можайск, нежели через верхнюю Оку.

Помимо этого, не исключено, что ответ нужно искать и в нормах средневекового этикета, в котором существовали процедуры встреч и проводов. Вероятно, что оказывая особо почетный прием своим союзникам, Дмитрий по существующим правилам сопровождал их до границ своего домена — Московского княжества. Можайск со времен Ивана Калиты уже являлся пограничным и таможенным пунктом на западных пределах Московского княжества.

Данные наблюдения и размышления, навеянные текстами научных примечаний, считаю еще одной иллюстрацией качества и добротности проведенной исследовательской работы.

Научная солидность всей книги несомненна. Это издание надолго войдет в активный обиход исследователей Куликовской битвы, русской книжности, источниковедов. Очень важно, что уже сейчас в начале 1999 года заметен интерес к изданию памятников Куликовского цикла и со стороны непрофессионалов — широкой читающей публики. В связи с этим отмечу, что, чем явственней высвечиваются такие качества издания, как точность, добросовестность, научная значимость и солидность книги, тем больше неволью нарастает и чувство сожаления...

Сожаления о том, что подобное по своему масштабу и уровню издание источников о Куликовской битве повторится нескоро, если повторится вообще. Тем временем так и остались неопубликованными, либо изданными не вполне должным образом целый ряд письменных известий о сражении, не входящих в условную структуру «памятников Куликовского цикла». Я имею в виду текст Синодика павших, соответствующий отрывок Жития Сергия Радонежского, Слово о житии и преставлении Дмитрия Донского, Летописчик Епифания в Троицком Стихираре, тексты немецких хроник, ряд актовых документов. С появлением этих источников под одной обложкой с повестями о Куликовской битве, комплекс известий о Мамаевом побоище приобрел бы известную полноту, тем более, что многие из указанных текстов непосредственно взаимодействовали с повестями Куликовского цикла. Возможно, стоило поместить данные тексты в приложение. В таком случае мы бы имели качественно иную книгу. Это был бы по своему значению уже не просто комплекс основных редакций летописных и литературных произведений о Куликовской битве, а свод всех письменных известий о 1380 году. Кстати, и подборка текстов, предложенная в книге, отвечая в целом своему названию, тем не менее не вполне исчерпывающа. Здесь мы видим все летописные тексты, почти все тексты «Задонщины», но вот среди текстов «Сказания» хотелось бы увидеть еще несколько. В первую очередь, те варианты Основной редакции, которые просто необходимы для вычленения сведений гипотетического первоначального «Сказания». Это вариант О, Печатный, Забелина, возможно, — вариант Михайловского. Кроме того, для заключения о возможности отнесения того или иного фрагмента «Сказания» к первоначальному его тексту необходимо привлекать к сопоставлению и текст Летописной редакции в составе Вологодско-Пермской летописи. Если к ним добавить тексты Киприановской и Распространенной редакций, то свод получился бы идеальным по своей полноте. А обращение к различным редакциям и вариантам не требовало бы привлечения других изданий памятников. Возможно, отказавшись от публикации этих текстов, авторы руководствовались тем обстоятельством, что все эти списки были достаточно добротны изданы раньше. Однако новая их публикация, да еще в рамках столь грандиозного свода, несколько не могла повредить делу и позволила бы, пожалуй, впервые в отечественной медиевистике осуществить полное издание столь масштабного комплекса письменных известий об одном историческом событии. Учитывая все это, считаю необходимым призвать авторов, редколлегию и издателей данного проекта не считать его полностью завершенным и рассмотреть возможность создания второго выпуска источников о Куликовской битве.

Оставляя призрачную область желаемого, следует еще раз порадоваться и поддержать то реальное, что мы приобретаем с выходом в свет сборника «Памятники Куликовского цикла». Несомненно,

менно, что эта книга стала еще одним шагом в развитии особого вида публикации источников — сконцентрированных на освещении конкретной проблемы. Подобные сборники уже давно стали обычными для историков новой и новейшей России и СССР. Медиевисты не столь активны в развитии этого жанра публикаций. Теперь, после того как значительный массив средневековых русских источников издан в рамках видовых или жанровых собраний (летописи, акты, духовные и договорные грамоты, литературные памятники, разрядные книги, памятники дипломатических отношений, юридические и канонические документы), все более заметна потребность в фундаментальных сводах известий о том или ином историческом событии, либо проблеме. Такие собрания документов позволяют не только собрать воедино разбросанные в разных местах тексты, посвященные исторической теме, вынесенной в заголовок, но и ввести в научный оборот множество текстов, редакций и вариантов, неопубликованных или едва учтенных при публикации собраний иного вида. Примеры таких изданий уже имели место в отечественной медиевистике (назову лишь одно из относительно недавних изданий: «Свод древнейших известий о славянах» и более раннее: «Сказания о начале славянской письменности»), и большим шагом к пропаганде такого типа изданий источников является книга «Памятники Куликовского цикла». Считаю, что именно такие публикации источников способны привлечь к исторической проблеме или же событию повышенный и продуктивный интерес отнюдь не только специалистов.

